

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.16>

Сидоренко Леонид Владимирович, Адамова Нина Эдуардовна, Кузнецова Юлия Игоревна
СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ В "ДОЛГОМ ВОСЕМНАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ"

В статье рассматривается взаимосвязь между проблемой модернизации электоральной системы Великобритании и закрепленными в революционном устройении итогами Славной революции. Авторы анализируют процесс появления предпосылок проведения избирательной реформы на основе изучения изменения отношения английской партийно-политической элиты к системе представительства. В центре внимания предлагаемой работы остается вопрос о том, какие факторы способствовали размыванию сложившейся после Славной революции электоральной системы, сделав реформу 1832 г. неизбежной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/1/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 76-80. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(420)07

Дата поступления рукописи: 30.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.16>

В статье рассматривается взаимосвязь между проблемой модернизации электоральной системы Великобритании и закрепленными в революционном устройении итогами Славной революции. Авторы анализируют процесс появления предпосылок проведения избирательной реформы на основе изучения изменения отношения английской партийно-политической элиты к системе представительства. В центре внимания предлагаемой работы остается вопрос о том, какие факторы способствовали размыванию сложившейся после Славной революции электоральной системы, сделав реформу 1832 г. неизбежной.

Ключевые слова и фразы: Славная революция; Великая реформа 1832 г.; концепция фактического представительства; аристократический принцип; виги; тори; радикалы; представительство.

Сидоренко Леонид Владимирович, к.и.н.

Адамова Нина Эдуардовна, к.и.н.

Кузнецова Юлия Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

l.sidorenko@spbu.ru; n.adamova@spbu.ru; reform1832@gmail.com

СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ В «ДОЛГОМ ВОСЕМНАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ»

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых, МК-3624.2017.6 («Теория и практика революции в контексте развития парламентской монархии в Великобритании XVII-XIX вв.»).

В исторической хронологии Великобритании не так давно было введено понятие «долгого восемнадцатого столетия», начинающегося с такого важного для английского конституционного развития события, как Славная революция 1688-1689 гг., и завершающегося Великой реформой 1832 г., установившей современные принципы представительства в королевстве. Хотя каждый из этих эпизодов британской истории имеет самостоятельную ценность и, как правило, исследуется отдельно, между ними существует безусловная связь. Целью статьи является анализ взаимосвязи между итогами Славной революции, закрепленными в революционном устройении, и проблемой модернизации электоральной системы страны. Изучив тенденции в изменении отношения английской политической элиты к системе представительства, авторы статьи определяют, какие факторы способствовали отказу от избирательной системы, сложившейся после Славной революции. Актуальность статьи определяется исторической ролью электоральных процедур в становлении парламентаризма в Великобритании. Новизна исследования заключается в новаторском взгляде на парламентскую реформу 1832 г., которая рассматривается через эволюцию тенденций отношения элиты страны к избирательной системе в контексте сложившихся после Славной революции установок, а не на основе традиционного изучения влияния движения радикалов на реформаторскую активность в XIX веке.

Утвердив не завершённую конституцию страны, а всего лишь принципы, революционное устройство 1688-1689 гг. не зашло настолько далеко, чтобы дать народным массам возможность управления страной через палату общин, что оставило открытым вопрос, кто должен быть представлен в парламенте [21, р. 1010]. Сам парламент стал частью конституционного равновесия, казавшегося со временем все менее очевидным. Постреволюционный порядок был сложным компромиссом на основе системы «король в парламенте», не объясняющим взаимоотношений этих институтов. Монархия сохранила свободу назначений министров, но осталась зависимой от парламента в финансовых вопросах. В XVIII веке система конституционного баланса постепенно смещалась в пользу парламента [19, р. 692], что определяло важность методов его комплектования.

Однако, по справедливому замечанию Ю. Е. Барловой, «Англия настолько гордилась своим парламентом, отличавшим ее от стран с неограниченным монархическим правлением, что механизм представительства был для нее менее важен, чем конечный результат – палата общин» [2, с. 154]. Этот подход отразился на электоральной системе, в рамках которой выделяются такие черты электората, как его незначительность, малочисленность и низкие темпы роста в сравнении с ростом населения, политическая несознательность, зависимость от внешнего контроля [20, р. 34]. Этому способствовали сложные правила представительства дореформенного парламента. Если в графствах действовала единая система, по которой голосовать имели право все взрослые мужчины, владевшие землей или собственностью, эквивалентной не менее 40 шиллингам в год, в английских и валлийских округах (боро) насчитывалось шесть типов представительства [9, р. 233]. Важно подчеркнуть, что они были узаконены до Славной революции, ничего не изменившей в этом вопросе. Электоральные тенденции соответствовали механизмам, заложенным еще в Средневековье.

Устаревшая система представительства способствовала расцвету методов коррупции на выборах, которые были дорогими как для патронов, так и для кандидатов. Реклама и продажа мест в парламент, подкуп избирателей являлись обычной практикой [4]. Коррупция пронизывала всю парламентскую систему: от выборов до лоббирования на уровне фракционной политики. Однако до конца XVIII века отсутствовали серьезные

стимулы для ее реформирования. За исключением критики самых вопиющих злоупотреблений даже радикальные авторы до 1780-х гг. удивительно мало писали о необходимости парламентской реформы. Отсутствие запроса на изменения позволяет сделать вывод, что в целом система работала, и даже столетие спустя после устройства 1688-1689 гг. парламентарии были довольны ею [17, р. 7].

Но со временем страх абсолютной монархии и правления без парламента, распространенный при Стюартах, сменился боязнью методов, применяемых королем и министрами для контроля парламента. Нарастали опасения, что патронаж короны и коррупция сделали парламент неадекватным гарантом прав и свобод общества. Сначала эта критика поощряла реформаторские инициативы оппозиции, направленные на снижение уровня коррупции, но не на расширение электоральной базы. Проекты ограничения королевских пенсий и назначений на посты имели цель удалить из палаты общин клиентелу министров и монарха, в то время как требования радикалами коротких парламентав были направлены на обеспечение их независимости путем проведения частых выборов [21, р. 1009]. Влияние короны стало неприемлемым для ряда политиков, что ставило в теории вопрос об электоральных реформах. В частности, в период правления Георга III группа вигских депутатов во главе с маркизом Рокингемом, а позже Ч. Фоксом и графом Греем столкнулась с систематической практикой лишения их со стороны монарха преимуществ патронажа, открытого другим политикам. Так рокингемиты оказались в большем противоречии с короной, чем с тори. Отстранение от власти делало их заинтересованными в ликвидации коррупции через ограничение доступа в палату общин слуг короля [19, р. 691-693]. Однако на идею реформы избирательной системы виги решились не сразу.

Впервые открытая критика системы представительства в Великобритании прозвучала от американских колонистов в начальный период Американской революции. Тогда в ответ на претензии из-за океана английская политическая мысль выдвинула идею фактического представительства, исходившую из того, что главная функция палаты общин заключалась в защите ее интересов страны и корпораций. Эту концепцию отстаивал Э. Бёрк [10, р. 23-24], давший ее классическое объяснение на примере Бирмингема, который хотя и не имел места в парламенте, считался фактически представленным депутатом от Бристоля, такого же делового города. Так, интересы разных слоев общества находили свое выражение в законодательном органе страны вне зависимости от наличия права голоса. Многие исследователи видят в этом подходе наследие корпоративной избирательной системы Средних веков [26, р. 29].

Таким образом, члены парламента считались представителями не только тех, кто за них голосовал, но и тех, кто голосовал против них и даже вообще не имел права голоса. Избранный в парламента депутат переставал быть связанным со своим округом, становясь представителем всего народа. В свою очередь, каждый подданный в королевстве представлялся не конкретным депутатом, а всем парламентом страны, защищавшим интересы всех подданных независимо от места их проживания и наличия права голоса [13, р. 28-29]. Концепция фактического представительства позволяла считать, что те, кто не обладали правом голоса, не имели недостатка в представителях, доверив другим избирать от своего имени [14, р. 139]. Фактическое представительство было отвергнуто колонистами, которые предпочли отделиться от Англии. В то же время события Американской революции вывели на политическую сцену Великобритании радикалов, имевших почти те же претензии к системе представительства, что и американцы. Из-за незаинтересованности основных парламентских сил в изменении электоральной системы проекты умеренных реформ проваливались, однако в период Французской революции ситуация изменилась.

В апреле 1792 г. Чарльз Грей и несколько вигов-фокситов порвали с т.н. «аристократическими» вигами и сформировали Общество друзей народа, встав на путь отхода от рокингемитских принципов борьбы с коррупцией без замены электоральной системы. Признавая отмену «продажных» округов желательной из-за влияния в них короны, рокингемиты не считали нужным ликвидацию подконтрольных аристократии «собственных» округов, застрахованных от королевского патронажа. Рокингемиты отстаивали аристократическое влияние в бору и упорно защищали его от парламентских реформаторов, хотя последние считали, что реформа его усилит. По сути Общество друзей народа предложило третий путь, направленный на то, чтобы умерить реформаторское движение, сохранить аристократическое влияние и защитить реформу от ее противников [15, р. D1256-D1258]. Однако радикализация Французской революции, царубийство и террор ограничили протестную деятельность в Англии. Из-за войны с Францией народный радикализм казался предательским. Поражение в 1792 г. проекта реформы Грея означало прежде всего победу консерваторов и дискредитировало идею реформ [19, р. 686].

В то же время наполеоновские войны стали важным этапом в эволюции значения парламента. В долгосрочной перспективе они привели к усилению ведущей роли законодательного органа страны, что стало результатом мобилизации правительства, чьи огромные потребности в деньгах, людях, снабжении и контроле над экономической жизнью сделали парламентские решения еще более важными для функционирования государства [24, р. 308]. Внутриполитические последствия 1815 г. заключались в падении вигской оппозиции и выдвигании консервативных слоев, победивших в войне. Виги же были расколоты. При этом в обществе наблюдались очевидные социальные проблемы, вызванные ростом населения, переходом экономики на мирные рельсы, кризисом в сельском хозяйстве и последствиями промышленного переворота [18, р. 9].

Однако идея электоральной модернизации не умерла. К началу XIX века по вопросу избирательной реформы английское общество раскололось на три лагеря. Радикалы, являясь последовательными сторонниками реформы, хотели не только ликвидации «гнилых местечек», но и всеобщего избирательного права для мужчин, а также ежегодных выборов в парламента. Тори оставались противниками любой реформы, видя в ней

угрозу монархии, официальной церкви и палате лордов. Виги считали реформу необходимой, но в отличие от радикалов стремились устранить лишь основные недостатки системы. Хотя после 1815 г. победил торийский подход, в политической дискуссии о будущем реформы широкое участие приняли представители низших социальных слоев, объединившиеся в общества и ассоциации при поддержке прессы [3, с. 179]. Это не позволило полностью засушить реформаторские инициативы, хотя общественно-политическую ситуацию в 1815-1830 гг. можно охарактеризовать как крайне реакционную, определяемую находившимся у власти в это время торийским правительством. Во многом сложившуюся в Англии обстановку можно сравнить с эпохой Карла X во Франции [5, с. 271-272].

Ситуация стала меняться в 1828-1829 гг. с проведением эмансипации религиозных меньшинств – диссентеров и католиков. Эта спорная реформа способствовала крушению старой партии тори, доминировавшей столь долгое время в политической жизни страны [12, р. 89]. Ослабление тори облегчало инициативы избирательной реформы, но оставался открытым вопрос, сможет ли парламент старого режима сам себя реформировать. Сомнения вызывали такие графства, как Корнуолл, где на выборах 1826 г. было послано в основном от гнилых местечек 42 члена парламента. Коррупцированные избиратели были правилом, а диспропорция между влиянием графства и его изоляцией от центра не гарантировала согласие его депутатов на реформу [16, р. 81].

Последние всеобщие выборы, проведенные по правилам дореформенного парламента в апреле-июне 1831 г., фактически были референдумом по реформе, которая превратилась в «партийный» спор между вигами и радикалами с одной стороны и подавляющим большинством тори с другой. В результате выборов в палате общин было получено значительное большинство голосов за вигов, что было необходимо для успеха реформы [8, р. 506]. Но победа вигов означала нечто большее. В отличие от Славной революции, когда между партиями существовал консенсус в отношении сохранения избирательной системы, в начале 1830-х гг. его уже не было. Имелось и еще одно важное отличие от ситуации конца XVII века: активность народных масс, которые смело требовали реформы. Основание политических организаций, многочисленные митинги, шествия и петиционные кампании демонстрировали острую реакцию общества. Начало 1830-х гг. обернулось политизацией масс, вовлеченных в обсуждение государственных и политических дел, а пресса превратилась в важный фактор общественно-политической жизни [7, с. 69].

Подтверждением возросшего значения низов могут служить «беспорядки Свинга» 1830-1831 гг., роль которых должна рассматриваться в более широком контексте. Они напомнили британской элите об угрозе революции, которая свергнет монархию и аристократию. Следует помнить и о произошедших в 1830 г. политических потрясениях в Европе. Новости о французской и бельгийской революциях вызвали опасения, что они могут перекинуться на Англию [8, р. 515, 517]. Это повлияло на подход к концепции первого билля о реформе, которая нашла свое ясное выражение в словах лорда Грея, лидера коалиции, предложившей законопроект в 1831 г.: «...принцип моей реформы заключается в предотвращении необходимости революции» [19, р. 685]. В 1830-1832 гг. виги вернулись на позицию, давно разработанную Обществом друзей народа. Убежденные в необходимости реформы, они предпочли сохранить аристократическое влияние и умерить реформаторское движение [15, р. D1266]. Впрочем, несмотря на очень осторожные и даже консервативные намерения Грея, он осознал значение продвинутого сегмента своей партии и позволил самым радикальным или ультравигам сформировать комитет, который набросал законопроект. Притом именно Грей и виконт Элторп придали биллю завершённую форму [25, р. 166]. Прошедший через государственную машину на основе дореформенной конституции законопроект был реформой, а не революцией сверху. Большинство вигов являлись аристократическими земельными магнатами, а кабинет Грея был составлен полностью из них. Поэтому последний отражал земельный интерес, что позволило ему заручиться поддержкой в сельских районах [11, р. 447].

Реформа 1832 г. разрушила политический механизм, преобладавший в течение долгого правления Георга III, и заменила его по существу современной избирательной системой, основанной на партийном принципе. Пореформенные избиратели отныне получили представление о правильных целях политики и стали бороться за них в предвыборной кампании. Их поражение не означало прекращение борьбы в долгосрочной перспективе [22, р. 412, 436]. Партийное голосование стало не просто нормой, а почти единогласным выбором после 1832 г. Как только избиратель определялся с партией (на примере локальной истории это сделали в среднем 70-80% обновленного электората), он оставался верным ей и в будущем [23, р. 646].

Реформа 1832 г. порвала с феодальными традициями представительства, обеспечив превращение палаты общин в буржуазный парламент. Изменения в составе нижней палаты позволили кабинету окончательно избавиться от королевской зависимости, так как стоящая за спиной короля аристократия не могла обеспечить кабинету необходимое большинство в палате общин. В это время корона лишилась последних остатков власти, а королевская прерогатива была передана в фактическое ведение кабинета. Укрепился и выработанный в XVIII веке принцип ответственности правительства: переход министерской власти в руки той партии, которая располагает парламентским большинством. Важным следствием реформы 1832 г. стало преобразование политических партий [6, с. 189]. В долгосрочном плане начиная с 1832 г. британские политические элиты сделали ряд стратегических уступок, направленных на инкорпорирование ранее лишенных права голоса людей в политику, поскольку альтернативой виделись социальные волнения, хаос и, возможно, революция. Однако эффект уступок был ослаблен благодаря сохранению непредставительного характера палаты

лордов, которая осталась важным оплотом против возможных радикальных реформ, исходящих от демократизированной палаты общин [1, с. 451]. В лордах во многом сохранился аристократический принцип.

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы. Усилив роль парламента в конституционной системе страны, Славная революция оставила механизм комплектования палаты общин нетронутым. Несмотря на известные недостатки, в основном связанные с ростом коррупции, старая электоральная система оставалась работоспособной и не подвергалась критике. Но после того как при короле Георге III из-за перераспределения королевского патронажа был нарушен баланс между парламентом и монархом, возникли предпосылки роста недовольства электоральной системой. Озвученные со стороны колонистов в период Американской революции требования справедливого представительства актуализировали модернизацию электоральной системы, способствовав началу движения радикалов, стремившихся к реформированию алгоритмов выборов, а не только ограничению коррупции парламентских механизмов, как предлагала аристократическая вигская оппозиция. Но из-за консервативной волны эпохи Французской революции, наполеоновских войн и послевоенного периода реформаторские инициативы были заморожены, однако активность масс только возрастала. После раскола партии тори, основного противника реформы, она стала неизбежной. В отличие от времени Славной революции, к началу 1830-х гг. отсутствовал партийный консенсус, а народные массы вышли на сцену, даже создав иллюзию угрозы революции. Проведенная реформа модернизировала избирательную систему, однако ее умеренные положения и сохранение роли палаты лордов позволили оставить аристократическое влияние – принцип, который британская элита не хотела нарушать. В этом она сохранила принципы Славной революции, но усовершенствовала механизмы представительства.

Список источников

1. **Асемоглу Д., Робинсон Дж. А.** Экономические истоки диктатуры и демократии / пер. с англ. С. В. Моисеева; под науч. ред. Л. И. Полищука, Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 512 с.
2. **Барлова Ю. Е.** «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 150-155.
3. **Королев А. В.** Реформа британского парламента: казус С. Т. Кольриджа // Власть. 2009. № 8. С. 179-182.
4. **Косарев А. И.** Избирательная коррупция в Англии XVIII в. // Правоведение. 1961. № 4. С. 111-122.
5. **Кузнецова Ю. И.** Реформа или революция: вопросы внутривластного развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2008. № 2. С. 270-280.
6. **Потапов И. В.** Роль электоральных реформ в преобразовании Великобритании в парламентскую монархию в XIX в. // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4 (32). С. 184-193.
7. **Самойлова Г. И.** Парламентская реформа 1832 года в Англии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 7: в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-72.
8. **Aidt T. S., Franck R.** Democratization under Threat of Revolution: Evidence from the Great Reform Act of 1832 // *Econometrica*. 2015. Vol. 83. № 2. P. 505-547.
9. **Aidt T. S., Franck R.** How to get the snowball rolling and extend the franchise: voting on the Great Reform Act of 1832 // *Public Choice*. 2013. Vol. 155. Iss. 3-4. P. 229-250.
10. **Birch A. H.** Representative and Responsible Government: An Essay on the British Constitution. L.: George Allen and Unwin, 1964. 252 p.
11. **Cahill G. A.** The Popular Movement for Parliamentary Reform, 1829-1832: Some Further Thoughts // *The Historian*. 1975. Vol. 37. № 3. P. 436-452.
12. **Davis R. W.** The Tories, the Whigs, and Catholic Emancipation, 1827-1829 // *The English Historical Review*. 1982. Vol. 97. № 382. P. 89-98.
13. **Dickinson H. T.** The Representation of the People in Eighteenth-Century Britain // *Realities of Representation: State Building in Early Modern Europe and European America* / ed. by J. Maija. Houndmills (Basingstoke): Palgrave Macmillan, 2007. P. 19-44.
14. **Drake J. D.** The Nation's Nature: How Continental Presumptions Gave Rise to the United States of America. Charlottesville – L.: University of Virginia Press, 2011. 402 p.
15. **Ellis H. A.** Aristocratic Influence and Electoral Independence: The Whig Model of Parliamentary Reform 1792-1832 // *The Journal of Modern History*. 1979. Vol. 51. № 4. On Demand Supplement. P. D1251-D1276.
16. **Jaggard E.** Cornwall Politics 1826-1832: Another Face of Reform? // *Journal of British Studies*. 1983. Vol. 22. № 2. P. 80-97.
17. **Lang S.** Parliamentary Reform 1785-1928. L. – N. Y.: Routledge, 1999. 191 p.
18. **McCord N., Purdue B.** British History 1815-1914. Second edition. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 2007. 612 p.
19. **Morrison B.** Channeling the “Restless Spirit of Innovation”: Elite Concessions and Institutional Change in the British Reform Act of 1832 // *World Politics*. 2011. Vol. 63. № 4. P. 678-710.
20. **O’Gorman F.** The Unreformed Electorate of Hanoverian England: The Mid-Eighteenth Century to the Reform Act of 1832 // *Social History*. 1986. Vol. 11. Iss. 1. P. 33-52.
21. **Pentland G.** Scotland and the Creation of a National Reform Movement, 1830-1832 // *The Historical Journal*. 2005. Vol. 48. Iss. 4. P. 999-1023.
22. **Phillips J. A., Wetherell C.** The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England // *The American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 2. P. 411-436.
23. **Phillips J. A., Wetherell C.** The Great Reform Bill of 1832 and the Rise of Partisanship // *The Journal of Modern History*. 1991. Vol. 63. № 4. P. 621-646.
24. **Tilly C.** Popular Contention in Great Britain, 1758-1834. L. – N. Y.: Routledge, 2005. 476 p.
25. **Wasson E. A.** The Spirit of Reform, 1832 and 1867 // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1980. Vol. 12. № 2. P. 164-174.
26. **Williams M. S.** Burkean “Descriptions” and Political Representation: A Reappraisal // *Canadian Journal of Political Science*. 1996. № 1. P. 23-45.

THE GLORIOUS REVOLUTION IN ENGLAND AND THE PROBLEM OF THE NATIONAL ELECTORAL SYSTEM MODERNIZATION IN THE “LONG EIGHTEENTH CENTURY”

Sidorenko Leonid Vladimirovich, Ph. D. in History

Adamova Nina Eduardovna, Ph. D. in History

Kuznetsova Yuliya Igorevna

Saint Petersburg University

l.sidorenko@spbu.ru; n.adamova@spbu.ru; reform1832@gmail.com

The article examines the interrelation between the problem of the British electoral system modernization and the Glorious Revolution outcomes represented in the new social arrangement. The authors identify the changes in the attitude of the English party and political elite to the system of representation and analyse the formation of conditions for the electoral reform. The paper focuses on the following issue: what factors promoted the erosion of the electoral system established after the Glorious Revolution, thus making the reform of 1832 inevitable.

Key words and phrases: The Glorious Revolution; The Great Reform of 1832; conception of factual representation; aristocratic principle; Whigs; Tories; radicals; representation.

УДК 94(410)“1952/...”

Дата поступления рукописи: 07.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.17>

В представленной статье автором анализируются подходы ведущих партий Великобритании к европейским отношениям в рамках дебатов Палаты общин по проблеме формирования и ратификации Лиссабонского договора. Партийно-политическая борьба в Великобритании по этому вопросу продемонстрировала раскол внутри лейбористов и консерваторов. Первые стремились сохранить еврооптимистичный подход к сотрудничеству с Европейским союзом (ЕС), тори пытались консолидироваться вокруг крайне скептического подхода. Сформировавшиеся на данном этапе подходы партий Великобритании повлияли на дальнейшие взаимоотношения страны с ЕС.

Ключевые слова и фразы: Великобритания; консерваторы; лейбористы; Европейский союз; Конституционный договор; Лиссабонский договор.

Усова Юлия Сергеевна

Башкирский государственный университет, г. Уфа

vennetan982@gmail.com

**ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПАЛАТЕ ОБЩИН ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАТИФИКАЦИИ
ЛИССАБОНСКОГО ДОГОВОРА (2007-2008 ГГ.)**

23 июня 2016 г. по итогам проведенного национального референдума об участии Великобритании в Европейском союзе (далее – ЕС) победу (с результатом 51,89%, при явке 72,21%) одержала евроскептически настроенная часть общества. После этого референдума начался процесс выхода Великобритании из ЕС. Завершение данного процесса намечено на весну 2019 г. Особую актуальность в связи с вышеуказанными событиями получает вопрос о том, каким образом сформировались противоречия между Великобританией и ЕС, которые привели к брекситу. Эти противоречия были заложены в том числе в процессе формирования европейских договоров. Важное место в этом ряду занимает Лиссабонский договор. Данный договор не вносил радикальных сущностных изменений в основы ЕС, однако партийно-политическая борьба, развернувшаяся вокруг него в Великобритании, значительно повлияла на европейскую политику последующих правительств страны, парламентские выборы, рост евроскептических настроений в британском обществе. В связи с этим для понимания складывающейся сегодня ситуации в отношениях Великобритании и ЕС важно провести анализ партийно-политической борьбы в Великобритании по проблеме формирования и ратификации Лиссабонского договора. Автором выбраны две ключевые партии Великобритании (консервативная и лейбористская), так как в исследуемый период они не формировали коалиций в Палате общин, делили подавляющее количество мест в парламенте между собой, не имели влиятельных конкурентов в борьбе за влияние на электорат. Важность исследования обусловлена также отсутствием академических исследований партийно-политической борьбы по вопросам формирования Лиссабонского договора в отечественной и зарубежной историографии.

В январе 2007 г. ФРГ приняла на себя президентство в Совете ЕС. На этот период было намечено решение вопроса о будущем Конституционного договора. Предполагалось, что на его основе будет сформирован новый договор, который положит конец внутреннему кризису в Союзе. Предполагалось, что этот договор будет содержать большинство изменений, которые были согласованы в ходе обсуждения предыдущего проекта.

Основные цели лейбористского правительства были представлены как «красные линии» на межправительственной конференции 2003-2004 гг. Акцент был сделан на том, что любой новый договор не должен привести к значительному скачку вперед в процессе евроинтеграции, не должен угрожать суверенитету Великобритании, все исключительные возможности отказа от участия в интеграционном процессе должны быть сохранены. Новый текст должен был качественно отличаться от предыдущего проекта, чтобы правительство лейбористов могло обоснованно заявить об отсутствии необходимости в проведении референдума